

ЭМПИРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЫБОРА НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ ЗАНЯТОСТИ*

А. В. Аистов, Л. А. Леонова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Н. Новгород)

Поступила в редакцию 5 сентября 2011 г.

Аннотация: рассмотрены факторы, влияющие на выбор незарегистрированной формы занятости. Эмпирические оценки выполнены с помощью бинарных моделей для пространственной и панельной структуры данных российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) с 1998 по 2007 г. Подтверждено предположение, что для большинства участников российского рынка труда незарегистрированная занятость являлась вынужденной формой трудоустройства.

Ключевые слова: рынок труда, выбор занятости, незарегистрированная занятость.

Abstract: factors of choice of unregistered form of employment are considered in the article. Empirical estimates have been made using the binary choice models for cross-sections and panel data of the Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) for the period of 1998–2007. It was confirmed the assumption that the most of unregistered employees were pushed out from the other occupations and in the cases of available alternatives they would not choose the informal status.

Key words: labor market, occupational choice, unregistered employment.

Роль незарегистрированной занятости в России интересна с точки зрения понимания развития конкуренции на рынке труда. В то же время выявление факторов, влияющих на выбор незарегистрированной занятости, и последствий ее выбора экономическими агентами важно для проведения эффективной политики на рынке труда и регулирования рыночных отношений.

Определение незарегистрированной занятости

Наиболее общая концепция незарегистрированной занятости может быть определена как трудовая занятость «с незарегистрированными отношениями наниматель–работник, не затрагиваемая государственной системой налогообложения и регулирования» [1]. Существует и такое определение: незарегистрированная занятость – это продажа товаров и оказание услуг, которые законны и допустимы, но при этом происходит утаивание доходов, укрытие от налогов и целей трудового законодательства [2].

Следует отметить, что явление «незарегистрированной занятости» близко к неформальной за-

нятости. Термин «неформальная занятость» используется в значительной степени для описания незащищенных форм экономической активности в развивающемся мире. Существуют два подхода к определению неформальной занятости: традиционный – используется для обозначения людей, работающих в фирмах с пятью или менее работниками, непрофессиональных самозанятых, и людей, выполняющих в семье домашнюю работу; правовой – неформально занятые работники не получают социальной защиты, по ним не производятся социальные отчисления и не платятся налоги.

Для выявления незарегистрированных занятых нами использовался ответ респондентов на вопрос анкет RLMS-HSE о том, зарегистрирован ли работник по месту занятости официально или – нет. С учетом сказанного выше можно сделать вывод, что анализируемая нами группа занятого населения близка к правовому определению неформально занятых работников.

Мотивы выбора незарегистрированной занятости

Работники выбирают незарегистрированную форму занятости по разным причинам. Кто-то добровольно ищет реализации своих неординарных способностей; кто-то лишен иных возможностей получения доходов и вынужден устраиваться

* В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-04-0055 «Занятость, доверие, удовлетворенность – поиск закономерностей», выполненного в рамках Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ» 2011–2012 гг.
© Аистов А. В., Леонова Л. А., 2011

наемным работником без официальной регистрации трудовых отношений.

Рост и масштаб незарегистрированной занятости во многих странах традиционно объясняется смещением занятых к незащищенным формам рынка труда как альтернативе безработицы [2; 3]. Однако эта форма занятости также может предлагать рабочим лучшие финансовые возможности и/или лучшие условия труда, например выбор оптимального рабочего времени. Неформально оплачиваемые работники и занятые независимой работой могут делать свой выбор добровольно, если воспринимают государственную социальную защиту скудной либо не желают иметь условия работы строго ограниченные регуляторами рынка труда. Они могут мотивировать свой выбор удовлетворением от работы или от потока доходов или считать, что относительные выгоды от незарегистрированной активности перевешивают риски ее обнаружения.

Простые логические рассуждения позволяют предположить наличие следующих причин выбора незарегистрированной занятости со стороны наемных работников: невозможность найти лучшую работу, сравнительная легкость приема на работу, увеличение свободного времени, пример друзей, подходящий доход, возможность работать без руководителя. Первые два фактора особенно важны для людей, не имеющих основательной подготовки, образования, опыта или профессиональной квалификации. С выбором незарегистрированной занятости также могут быть связаны семейные факторы, особенности здоровья, возраст (пожилой или слишком молодой).

Феномен незарегистрированной занятости стал предметом исследований многих ученых-экономистов. Так, в трудах Филдса [4] и Мазумбара [5] выдвинута гипотеза о том, что рост масштабов незарегистрированной занятости во многих развивающихся странах объясняется тем, что она является единственной альтернативой безработице.

Вслед за исследованиями Филда ряд ученых посвятили свои работы изучению данного явления. Согласно работам Коэн и Хаус [6], Гонг с соавторами [7], Малони [8], Маркулье с соавторами [9], Прадэн и Ван Суст [10], Сааведра и Чонг [11], сектор незарегистрированной занятости представляет собой комплексное явление, включающее в себя и официально безработных, занимающихся незарегистрированной деятельностью, и формально трудоустроенных, получающих в незарегистрированной нише лучшие условия по сравнению с формальной (зарегистрированной) занятостью.

Перри и соавторы [12] выделили две группы неформально занятых работников: получающих зарплату и работающих «сами на себя». Авторы отмечают, что внутри этих групп неформальная занятость обусловлена широким комплексом причин и мотиваций.

Ряд исследователей обратили внимание на динамичную «микрпредпринимательскую» природу незарегистрированной занятости (см., например, Канингем с соавторами [13], Малони [14], Писани и Паган [15]). Близкими к этому подходу являются модели связи незарегистрированной занятости с уклонением от уплаты налогов (см., например, Герхани [16], Лояза, Овидо и Сервен [17]).

Каждый из подходов разделяет идею о том, что незарегистрированная занятость может являться свободным выбором работников, которые тем самым отказываются от социальной защиты государства, считая ее недостаточной по сравнению с уплачиваемыми налогами, попутно отторгаются строгие рамки трудовых отношений (например, распорядок рабочего дня), поддерживаемых трудовым и социальным законодательством, построенным по принципу «всех под одну гребенку» [12]. Работников привлекает возможность роста потока дохода в случае перехода в предпринимательскую деятельность, при этом (как уже было отмечено выше) выгоды от нелегального положения перевешивают возможные потери при выявлении их полужаконой деятельности.

Обзор литературы подтверждает, что незарегистрированная занятость носит противоречивый характер. Одни работники входят в эту сферу добровольно, преследуя более высокие доходы и лучшие, по их мнению, условия труда, чем в формальной экономике; другие – вынуждены выбрать данный статус, не найдя приложения своих способностей в иных статусах занятости.

Для идентификации статуса занятости анализировались ответы на вопросы анкет RLMS-HSE о наличии работы (первой, второй и приработков). В случае если респондент утвердительно отвечал на вопрос о наличии работы (есть работа или респондент находится в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске), рассматривался ответ на вопрос об оформлении на этой работе официально, т.е. по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту. Статус зарегистрированного занятого присваивался респонденту в случае утвердительного ответа на этот вопрос. К незарегистрированным занятым относились респонденты, указавшие на неоформленные официально отношения.

К безработным относились индивиды, не имевшие в течение последнего месяца работы или занятия, за которое им заплатили или обещали заплатить, но при этом искавшие работу и готовые приступить к работе в течение недели, если им предложат.

Объемы полученных выборок (количество респондентов) представлены в табл. 1.

На рис. 1 приведена динамика незарегистрированной занятости в процентах от численности экономически активного населения, полученная на основе данных RLMS-HSE. Незарегистрированные работники на протяжении всего анализируемого периода являлись заметной частью занятого населения – их процент сопоставим с процентом общей безработицы. Несмотря на кажущуюся стабилизацию развития экономики в рассматриваемый период времени, из рис. 1 видна тенденция роста доли не оформленных официально на работе занятых, причем данный показатель несколько выше и растет заметно существеннее среди мужчин по сравнению с женщинами (рис. 2).

Вероятно, предложение женского труда в сфере незарегистрированной занятости сдерживается меньшей склонностью женщин к риску, стремлением к законодательно гарантированным отношениям на рынке труда, связанным, например, с соответствующими пособиями и гарантиями сохранения рабочего места.

На рис. 3 показаны изменения долей незарегистрированной занятости для разных возрастов. Респонденты были разделены на три группы: молодые работники (15–24 лет), основные работники (25–45 лет) и опытные работники (46–72 лет). Из рисунка видно, что вероятность нахождения в неформальном секторе молодого работника выше по сравнению с другими возрастными группами. Этот результат достаточно ожидаем, так как именно члены данной возрастной категории в большинстве случаев согласны на неоформленные отношения, поскольку выбирают временную работу, еще не задумываются о социальных отчислениях и не чувствуют ущемления своих интересов от отсутствия социального пакета. К тому же в данную категорию попадают студенты, которые не имеют ни опыта, ни законченного образования, что ограничивает их возможности получения другой работы в данный период времени.

Средний процент незарегистрированной занятости среди молодых работников составляет почти 18 %, что выше доли среди основных работников в два раза. Такой же результат был получен и в исследованиях других авторов, посвященных молодым работникам (см., например, [9]).

Во всех трех группах прослеживается тенденция роста доли незарегистрированных работников.

Т а б л и ц а 1

Выборки RLMS-HSE для возрастов от 15 до 72 лет

Раунд	Год	Объем выборки	Безработные	Занятые	
				зарегистрированные	незарегистрированные
VIII	1998	7968	531	4605	
				3886	392
IX	2000	8251	433	4984	
				4083	542
X	2001	9150	456	5629	
				4862	749
XI	2002	9496	448	5851	
				4803	642
XII	2003	9418	404	6062	
				4878	755
XIII	2004	9650	428	6119	
				4809	558
XIV	2005	9364	407	5881	
				4720	728
XV	2006	11 344	389	7398	
				5834	1017
XVI	2007	11 206	371	7358	
				5896	838

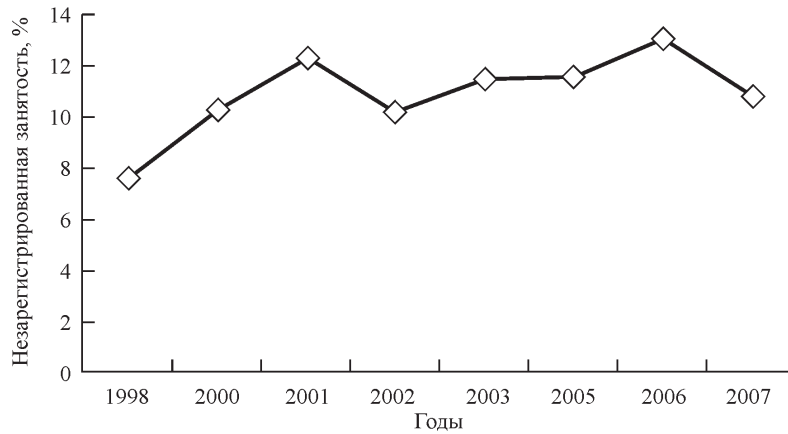

Рис. 1. Динамика незарегистрированной занятости

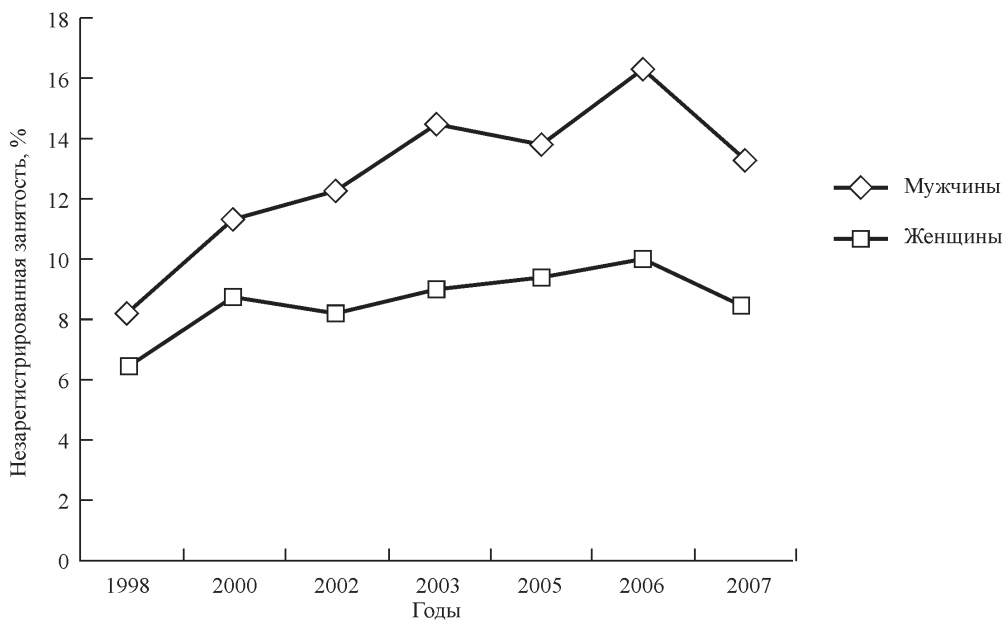

Рис. 2. Гендерная стратификация незарегистрированной занятости

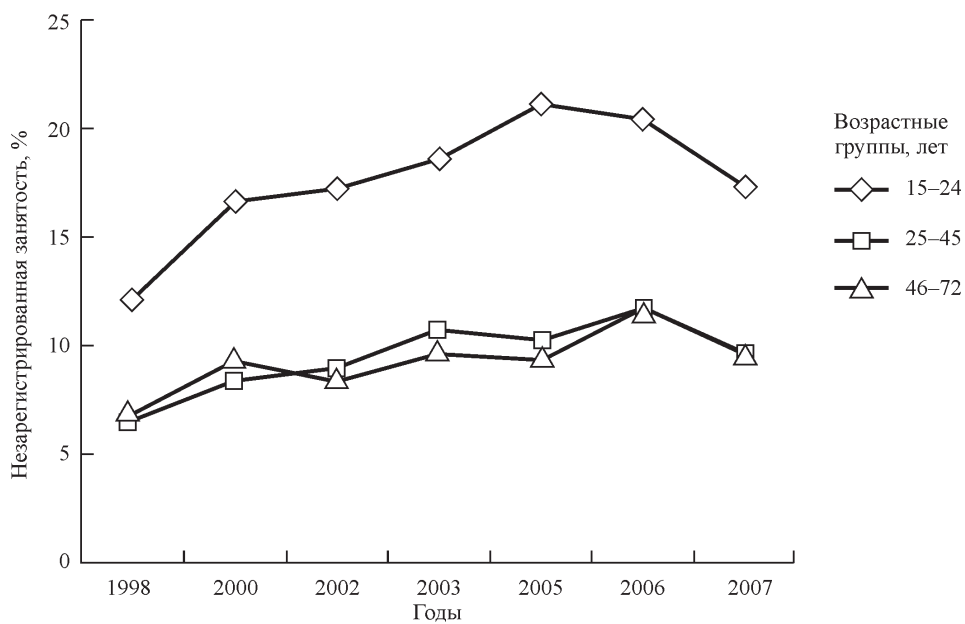

Рис. 3. Динамика незарегистрированной занятости в возрастных группах

Заметим, что процент незарегистрированных занятых сопоставим с процентом безработных, но их динамика противоположна (табл. 2). Такое поведение возможно в условиях, когда незарегистрированная занятость является демпфером безработицы: участники рынка труда под «угрозой» попасть в разряд безработных выбирают незарегистрированную занятость.

Оценки потоков в процентном соотношении для каждой из выделенных статусных групп представлены на рис. 4.

Тенденция к сохранению выбранного статуса занятости по отношению к его смене преобладает у экономически неактивного населения и официально оформленных работников. Безработные наименее «стабильны», причем большинство из них перетекает в официально оформленные занятые и экономически неактивное население. Работники, отношения которых с работодателем носят незарегистрированный характер, примерно в рав-

ных долях сохраняют свой статус, оформляются официально и становятся экономически неактивным населением. Относительно малая часть населения из данной группы становится безработными – около 6 %. У них почти в четыре раза больше шансов попасть в экономически неактивное население (23 %), чем пополнить ряды безработных. Если рассматривать процентные соотношения, поведение не оформленных официально работников похоже на поведение безработных.

Эконометрические оценки

Предварительные результаты были получены с использованием бинарных logit-моделей на выборках 1998, 2002, 2006 и 2007 гг. Зависимая переменная – наличие незарегистрированной занятости – принимала два значения: 1 – незарегистрированная занятость; 0 – работник оформлен официально.

С целью контроля смещений оценок, вызванных наличием ненаблюдаемых индивидуальных эффек-

Т а б л и ц а 2

Процентные соотношения статусных групп в выборках RLMS-HSE

Раунд	Год	Экономически неактивное население	Безработные	Работники, оформленные официально	Незарегистрированные занятые
VIII	1998	35,5	6,7	52,9	4,9
IX	2000	34,4	5,2	53,8	6,6
X	2001	33,7	4,9	53,3	8,1
XI	2002	33,6	4,7	54,9	6,8
XII	2003	31,4	4,3	56,3	8,0
XIII	2004	32,2	4,4	57,6	5,8
XIV	2005	32,9	4,3	55,0	7,8
XV	2006	31,4	3,4	56,3	8,9
XVI	2007	31,0	3,3	58,2	7,5

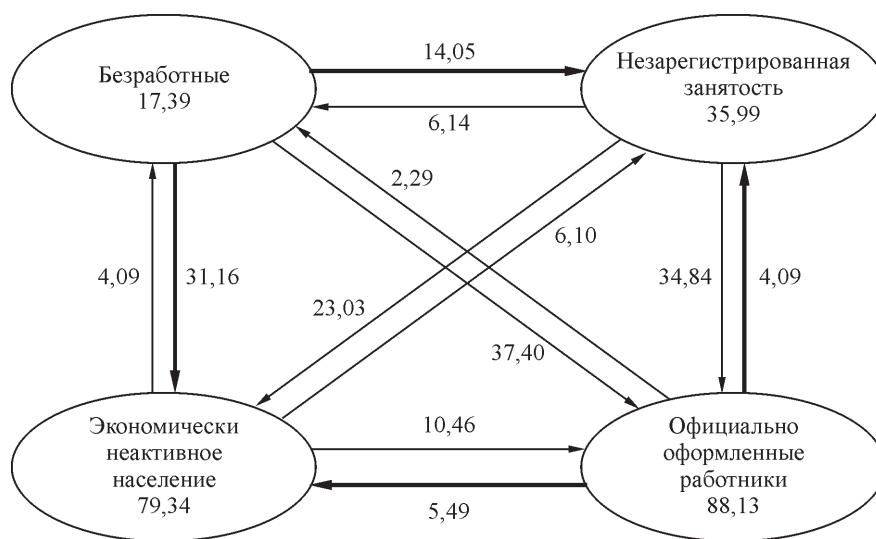

Рис. 4. Потоки на рынке труда, %

тов, выполнено сравнение полученных результатов с оценками в рамках моделей, учитывающих панельный характер данных (1998–2007 гг.).

«Традиционный» набор регрессоров включает в себя возраст, пол (1 – мужчины, 0 – женщины), уровень образования (три бинарные переменные: среднее, среднее специальное, высшее образование; образование ниже среднего принято в качестве базовой категории). Исходя из исследования Международной организации труда [1] и исследований некоторых авторов (например, [4]), связывающих незарегистрированный характер рабочих отношений и урбанизацию, включена бинарная переменная, отвечающая за тип поселения (1 – городской житель, 0 – сельский). Введены две переменные, характеризующие семью респондента: бинарная переменная состояния в браке (1 – состоит в гражданском или официальном браке и проживает совместно, 0 – нет) и количество детей. Наличие семьи и, тем более, присутствие в ней зависимых людей, может влиять на принятие решений о форме занятости. С одной стороны, наличие семьи требует стабильности и гарантий, сопровождающих зарегистрированную занятость. С другой стороны, незарегистрированная занятость для некоторых категорий людей (преимущественно с низким уровнем образования) может обеспечивать больший доход либо являться единственной возможностью получения дохода для содержания семьи, либо большую свободу в выборе рабочего времени.

Важной объясняющей переменной является доход индивидуума*. Однако уровень дохода является эндогенной переменной в моделях выбора, поэтому нами были выполнены оценки уравнений доходов Минсеровского типа. Уравнение Минсеровского типа связывает логарифм доходов с длительностью обучения, трудовым стажем и другими объясняющими и контролирующими переменными. В качестве контролирующих в регрессию включены переменные, отражающие пол, отрасль, регион и другие перечисленные выше. Для контроля региональных различий зависимой переменной использованы бинарные переменные; в качестве

* В качестве дохода индивидуума за месяц использовался ответ на вопрос анкеты о средних доходах за месяц в течение последних 12 месяцев, пропуски скорректированы ответом на вопрос: «Сколько всего денег в течение последних 30 дней Вы лично получили. Пожалуйста, посчитайте все: зарплату, пенсии, премии, прибыли, пособия и т.д.». Доходы дефлированы с помощью региональных индексов потребительских цен. Межрегиональные различия доходов скорректированы с помощью индекса цен для межрегионального сравнения по данным Госкомстата 2007 г. В результате доходы пересчитаны в цены декабря 2007 г. Нижегородской области.

базовой категории выбрано проживание респондента в Приволжском федеральном округе.

Оценки позволили спрогнозировать доходы индивидуумов для их возможных состояний в зарегистрированной и незарегистрированной занятости. Разницы полученных прогнозов были подставлены в качестве объясняющих переменных в модели выбора, аналогично работе [18].

Уравнения доходов оценивались для различных статусов занятости, что вызвало необходимость корректировок смещений оценок параметров моделей, вызванных самоотбором наблюдений. Для этого использовались процедуры Хэкмана, подразумевающие оценки параметров двух уравнений – уравнения отбора и основного уравнения (уравнения дохода) с подставленными в него дополнительными регрессорами, учитывающими правдоподобие попадания наблюдения в данную выборку (на основе уравнения отбора).

В табл. 3 приведены результаты оценок бинарных моделей выбора по данным 1998, 2002, 2006 и 2007 гг.

Для мужчин (при прочих равных условиях) вероятность** относиться к незарегистрированной занятости значимо выше, чем для женщин. Стоит отметить, что этот вывод находит свое подтверждение в развитых странах. В развивающихся странах ситуация противоположная [2]. В них женщины составляют статистическое большинство представителей неформального сектора. Они сконцентрированы в наиболее низкооплачиваемых сегментах – становятся наемными рабочими, сиделками, домработницами и т.п. В России мотивом выбора неформального сектора является не столько отсутствие лучших альтернатив и возможностей, сколько поиск лучших условий работы как материальных, так и нематериальных.

Вероятность быть незарегистрированным занятым выше для городских жителей, при прочих равных условиях. По-видимому, это объясняется большим предложением соответствующих рабочих мест в городах.

Возрастная зависимость вероятности нахождения в незарегистрированной занятости статистически не значима в 1998 г., но в дальнейшем прослеживается ее U-образный вид. По полученным оценкам наименьшая доля респондентов в рамках незарегистрированной занятости имеет возраст 53 года.

** Здесь и далее термин «вероятность» следует понимать как отношение шансов находиться в незарегистрированной занятости к шансам нахождения в зарегистрированной занятости.

Модели выбора незарегистрированной занятости

Объясняющие переменные	Годы			
	1998	2002	2006	2007
Пол (1– муж., 0–жен.)	0,595***	0,404***	0,352***	0,504***
Возраст	–0,014	–0,071**	–0,084***	–0,127***
(Возраст) ² /100	–0,022	0,047	0,078**	0,118***
Проживание в городе	0,623***	0,381***	0,295**	0,144
Образование среднее общее	–0,179	0,042	–0,207*	0,016
Среднее специальное образование	0,053	–0,241**	–0,321***	–0,349***
Высшее образование	0,064	–0,669***	–0,754***	–0,487***
Состояние в браке	–0,486**	–0,019	–0,368***	–0,587***
Количество детей	–	–	–0,019	0,189
Разность прогнозов логарифмов доходов в статусах незарегистрированной – зарегистрированной занятости	0,097	0,015	–0,401***	–0,081
Уровень безработицы	–	–0,002	0,037*	–0,002
Константа	–2,076	–0,884	–0,219	0,606
Число наблюдений	3941	4940	4751	4820
Log Likelihood	–940,10	–1245,40	–1338,20	–1230,50
Prob > χ^2	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Значимость коэффициентов: * – на 10 %; ** – 5 %; *** – 1 % уровнях.

Рост уровня образования снижает вероятность нахождения в незарегистрированной занятости, только в 1998 г. этот фактор оказался не значим. Несомненно, образование дает более широкий круг возможностей в поиске и выборе рабочих мест.

В большинстве оценок присутствует статистически значимая связь между состоянием в браке (совместном проживании) и вероятностью находиться в состоянии незарегистрированной занятости. Вероятность незарегистрированной занятости выше для одиноких людей. Это соответствует предположению, что индивиды предпочитают зарегистрированную занятость в случае, если присутствуют люди, которые рассчитывают на их стабильные доходы и социальную защищенность.

Регрессор, отражающий количество детей, введен в модели для 2006 и 2007 гг. Данный фактор оказался незначимым, поскольку существует сильная коллинеарность этого регрессора с семейным положением.

Разница прогнозов доходов в качестве объясняющей переменной оказалась отрицательной в 2006 г. Это свидетельствует о том, что в среднем люди были вынуждены уходить в незарегистрированную занятость (с понижением дохода) при невозможности найти официальные рабочие места, спасаясь от безработицы.

Заметим, что представленные в табл. 3 модели не учитывают возможности панельного анализа – не учитывают в оценках изменения состояний и характеристик окружения конкретных людей во вре-

мени. Оценки коэффициентов моделей в табл. 3 получены путем обработки данных, относящихся к разным людям, – фактически сравнением характеристик и состояний отдельных людей. При этом мы пытаемся описывать с помощью полученных моделей поведение «среднестатистического» человека, рассуждая, например, «если он, при прочих равных условиях, повысил бы свой уровень образования, то вероятность нахождения в незарегистрированной занятости...». На самом деле, полученные оценки необходимо интерпретировать так: «если нашелся бы точно такой же человек, с такими же характеристиками, определяемыми включенными в модель регрессорами, но с более высоким уровнем образования, то вероятность нахождения в незарегистрированной занятости...». Оценки коэффициентов в рамках корректно выбранных моделей, учитывающих панельный характер данных, приближают нас к первой из приведенных выше интерпретаций.

При анализе панельных данных нами был использован тот же набор регрессоров и те же зависимые переменные.

При выборе модели для уравнения доходов LM-тест Бреуш–Пагана и F-тест подтвердили наличие ненаблюдаемых индивидуальных эффектов, тест Хаусмана подтвердил состоятельность оценок коэффициентов уравнения доходов в рамках модели со случайными эффектами (RE).

Для сравнения в табл. 4 приведены оценки коэффициентов бинарной логит-модели выбора

незарегистрированной занятости на объединенной выборке (Pooled – отдельный человек в разные годы интерпретируется как разные люди, без учета ненаблюдаемых индивидуальных особенностей) и с учетом панельного характера данных (FE – модель с фиксированными эффектами).

Наличие ненаблюдаемых индивидуальных эффектов приводит к завышению статистической значимости коэффициентов в пул-модели. Статистика в тесте Хаусмана при сравнении коэффициентов FE- и RE-моделей, равная 29,16, подтверждает их значимое отличие на 5 % уровне. Это обычно интерпретируется как необходимость выбора модели с фиксированными эффектами ввиду несостоятельности оценок коэффициентов в модели со случайными эффектами. Достоинства модели с фиксированными эффектами заключаются в том, что не накладывается ограничение на форму функции распределения ненаблюдаемых индивидуальных эффектов между респондентами, и корреляция этих эффектов со значениями регрессоров не приводит к смещению оценок коэффициентов. Под смещением оценок подразумевается невозможность рассуждать первым способом при интерпретации коэффициентов (см. примеры моделей поведения «среднестатистического» человека). Недостаток FE модели: исключаются инвариантные во времени регрессоры.

Итак, модель с фиксированными эффектами подтвердила U-образный характер зависимости вероятности попадания респондента в незарегистрированную занятость с ростом его возраста. Оцен-

ки в рамках FE- и RE-моделей дают одинаковые, с учетом статистической погрешности, значения возраста минимальной вероятности – 48 и 51 лет соответственно и по этой характеристике близки оценкам для моделей 2006, 2007 гг. (см. табл. 3).

К сожалению, остальные регрессоры мало изменяются во времени в процессе нахождения респондентов в рамках панельного опроса, поэтому остальные коэффициенты в рамках FE-модели оказались статистически незначимыми. В связи с этим нам остается опираться на оценки в рамках RE-модели, понимая, что коэффициенты отражают влияние регрессоров на «межреспондентские» различия шансов нахождения в незарегистрированной занятости. Неудивительно, что оценки коэффициентов и их интерпретация в рамках RE-моделей качественно совпадают с приведенными в табл. 3.

Анализ данных RLMS-HSE 1998–2007 гг. показал, что тенденция к сохранению статуса по отношению к его смене преобладала у экономически неактивного населения и официально оформленных работников. Около трети работников, отношения которых с работодателем носили незарегистрированный характер, в рассмотренный период времени перешли на официально оформленную работу, примерно такая же их часть сохранила свой статус.

Зависимость выбора данной формы занятости от возраста имеет U-образный характер – вероятность выше у молодых и пожилых работников. Рост уровня образования значимо снижает вероятность

Т а б л и ц а 4

Модели выбора незарегистрированной занятости (1998–2007 гг.)

Объясняющие переменные	<i>Pooled</i>	<i>FE</i>	<i>RE</i>
Пол (1– муж., 0–жен.)	0,568***		0,842***
Возраст	–0,101***	–0,308*	–0,156***
(Возраст) ² /100	0,097***	0,317*	0,151***
Проживание в городе	0,022		0,002
Образование среднее общее	–0,098	0,087	–0,043
Среднее специальное образование	–0,305***	–0,194	–0,389***
Высшее образование	–0,572***	–0,486	–0,802**
Состояние в браке	–0,423***	–0,241	–0,569***
Количество детей	–0,001	0,074	–0,001
Разность прогнозов логарифмов доходов в статусах незарегистрированной – зарегистрированной занятости	–0,863***	–0,857	–1,280***
Уровень безработицы	–0,016*	0,081	–0,013
Константа	0,453		0,330
Число наблюдений	17 437	2 129	17 437
Число индивидуумов		693	7 146
Log Likelihood	–4 722,500	–763,200	–4407,400
Prob > χ^2	0,0000	0,0202	0,0000

Значимость коэффициентов: * – на 10 %; ** – 5 %; *** – 1 % уровнях.

относиться к незарегистрированной занятости: более квалифицированные работники имеют больше возможностей выбора, тем самым больше возможностей при желании найти официально оформляемую работу. Женщины и люди, несущие ответственность за содержание семьи с меньшей вероятностью выбирают незарегистрированную занятость.

Прогнозы доходов и перечисленные выше факты подтверждают гипотезу о том, что незарегистрированная занятость носит вынужденный характер. Это более рискованное, менее защищенное состояние работника на рынке труда, носящее скорее временный характер в условиях, когда работник не может найти другие варианты получения дохода.

ЛИТЕРАТУРА

1. International Labour Office. Resolution concerning statistics of employment in the informal sector, adopted by the Fifteenth International Conference of Labor Statisticians (January 1993) / International Labour Office // Current International Recommendations on Labour Statistics, 2000 Edition. – Geneva, 2002.
2. International Labour Office. Decent work and informal economy // International Labour Conference. 90th Session. Report VI. – Geneva, 2002.
3. Henley A. On defining and measuring the informal sector: evidence from Brazil / A. Henley, G. R. Arabsheibani, F. G. Carneiro // World Development. – 2009. – Vol. 37(5). – P. 992–1003.
4. Fields G. S. Rural-urban migration, urban unemployment and underemployment, and job search activity in LCD's / G.S. Fields // Journal of Development Economics. – 1975. – № 2. – P. 165–187.
5. Mazumdar D. The urban informal sector / D. Mazumdar // World Development. – 1976. – Vol. 4(8). – P. 655–679.
6. Cohen B. Labor markets choices, earnings and informal networks in Khartoum, Sudan / B. Cohen, W. J. House // Economic Development and Cultural Change. – 1996. – Vol. 44(3). – P. 589–618.
7. Gong X. Mobility in the urban labor market: a panel data analysis for Mexico / X. Gong, A. van Soest, E. Villagomez // CentER Discussion Paper № 46. – Tilburg University, 2003.
8. Maloney W. F. Does informality imply segmentation in urban labor markets? Evidence from sectoral transitions in Mexico / W. F. Maloney // World Bank Economic Review. – 1999. – Vol. 13(2). – P. 275–302.
9. Marcoullier D. Formal measures of the informal – sector wage gap in Mexico, El Salvador and Peru / D. Marcoullier, V. Ruiz de Casilla, C. Woodruff // Economic Development and Cultural Change. – 1997. – Vol. 45(2). – P. 367–392.
10. Pradhan M. Formal and informal sector employment in urban areas of Bolivia / M. Pradhan, A. van Soest // Labour Economics. – 1995. – Vol. 2(3). – P. 275–297.
11. Saavedra J. Structural reform, institutions and earnings: evidence from the formal and informal sectors in urban Peru / J. Saavedra, A. Chong // Journal of Development Studies. – 1999. – Vol. 35(4). – P. 95–116.
12. Informality: exit and exclusion / G. E. Perry [et al.]. – Washington DC : the World Bank, 2007.
13. Heterogeneity among Mexico's microenterprises: an application of factor and cluster analysis / W. V. Cunningham [et al.] // Economic Development and Cultural Change. – 2001. – Vol. 50(1). – P. 131–156.
14. Maloney W.F. Informality revisited / W. F. Maloney // World Development. – 2004. – Vol. 32(7). – P. 1159–1178.
15. Pisani M. J. Sectoral selection and informality: a Nicaraguan case study / M. J. Pisani, J. A. Pagan // Review of Development Economics. – 2004. – Vol. 8(4). – P. 541–556.
16. Gärxhani K. The informal sector in developed and less developed countries: a literature survey / K. Gärxhani // Public Choice. – 2004. – Vol. 120(3/4). – P. 267–300.
17. Loayza N. The impact of regulation on growth and informality: cross-country evidence / N. Loayza, A. M. Oviedo, L. Servén // Policy Research Working Paper № 3623. – Washington DC : The World Bank, 2005.
18. Аистов А. В. О развитии некоторых форм самозанятости в России в 1994–2002 годах / А. В. Аистов // Экономический журнал ВШЭ. – 2005. – № 2. – С. 185–215.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Н. Новгород)

Аистов А. В., кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономической теории и эконометрики

E-mail: aaistov@hse.ru

Тел.: 8 (831) 416-95-29

Леонова Л. А., аспирантка кафедры математической экономики

E-mail: lleonova@hse.ru

Тел.: 8 (831) 416-95-48

National Research University Higher School of Economics (City of N. Novgorod)

Aistov A. V., Candidate of Sciences in Physics and Mathematics, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Econometrics

E-mail: aaistov@hse.ru

Тел.: 8 (831) 416-95-29

Leonova L. A., Post-graduate Student of the Department of Mathematical Economics

E-mail: lleonova@hse.ru

Тел.: 8 (831) 416-95-48